

„ШИБКО ЗНАКОМЫ!“

Волкъ нашъ однимъ изъ первыхъ прибылъ въ Ляоянь, а отсюда разошелся походнымъ порядкомъ по ближайшимъ деревнямъ.

— Ши-ипка знакомы, капитана, привѣтствовалъ меня китаецъ-домохозяинъ д. Ян-зя-линдзы, гдѣ была отведена мнѣ квартира. Отбывъ китайскую церемонію, я распустилъ людей, приказавъ имъ устраиваться, да тутъ же предупредилъ всѣхъ, чтобы, безъ моего вѣдома и разрѣшенія, даромъ у китайцевъ ничего не брали.

— А теперъ, ходя ¹⁾, веди меня въ помѣщеніе, обратился я къ китайцу.

Осклабясь во весь ротъ, кивая головой, китаецъ внимательно меня выслушалъ, но ничего не понялъ. Положеніе становилось пиковымъ. Путемъ пантомимы мы, наконецъ, столковались и поняли другъ друга. Уразумѣвъ въ чемъ дѣло, онъ обрадовался неизвѣстно чему: тому ли, что не лишенъ способности понимать, или тому, что имѣеть честь принять у себя русскаго капитана;

¹⁾ Товарищъ.

вѣроятно, первому, потому что, незванный, непрошенный, я былъ для него гостемъ хуже татарина. Однако, китаецъ бросился впередъ, неоднократно повторяя:

— Шанго, капитана, шанго. Хао!... ²⁾

Такъ просто состоялся вводъ меня во владѣнїе. Я водворился на новомъ мѣстожительствѣ и сразу сталъ владѣтельнымъ капитаномъ половины огромной китайской фанзы. Въ другой—помѣстился китаецъ съ домочадцами. Въ фанзѣ было нестерпимо душно; до тошноты разило черемисой, бобовымъ масломъ, еще чѣмъ-то, очень неприятнымъ. Кругомъ были изрядныя грязь, пыль, мерзость заустѣнїя; въ углахъ бахромой висѣла паутина; носились мерїады мухъ. Но самой надоѣдливой изъ нихъ былъ самъ хозяинъ. «Ходя» неотступно слѣдовалъ за мною по пятамъ. Вездѣ и всюду совался первымъ; больше всѣхъ суетился, всячески стараясь услужить и угодить мнѣ. Съ захватывающимъ интересомъ разсматривалъ онъ мои доспѣхи, но особенное его вниманіе привлекъ револьверъ. Взявъ его въ руки, онъ, какъ ребенокъ, любовался изящной вещицей, похваливая ее: «Шанго, ши-ипка шанго!... Капитанъ мало-мало пуфъ-пуфъ!... Ипень... ³⁾ и, не жалѣя всей задней половины, до затылка включительно, онъ грохнулся о земь и растянулся на полу безъ движенїя, показывая, что будетъ съ японцемъ, получившимъ отъ меня репримандъ. Продѣлалъ онъ это такъ быстро и для меня неожиданно, что я не на шутку перепугался и подумалъ было: «что за дьявольское навожденїе!... Безъ выстрѣла, а готовъ уже»... Но потомъ разсмѣялся, вторя «ходѣ», очень довольному произведеннымъ на меня впечатлѣнїемъ и добродушно хохотавшему надъ своей продѣлкой.

Явился мой вѣрный Лепорелло—Кузнецовъ съ вьюкомъ въ рукахъ и корзинкой съ провизїей за плечами.

— Умыться бы вамъ надо, ваше б—діе, взглянувъ на меня, сказала Кузнецовъ, отлично знавшій мои привычки.

— Непремѣнно... поспѣшилъ я съ нимъ согласиться. Но гдѣ ты воды добудешь?

— Какъ-нибудь разживемся... успокоилъ онъ меня. У него него раздобудемъ, мотнулъ онъ головой въ сторону китайца и смѣло позвалъ: ходя! Единственное китайское слово, которое мы знали, появившись въ Манчжурїи съ оружіемъ въ рукахъ, но... безъ языка.

²⁾ Хорошо, капитанъ, хорошо!...

³⁾ Хорошо, очень хорошо!... Капитанъ одинъ разъ выстрѣлитъ... Японцы...

Указавъ на какую то посудину, Кузнецовъ началъ усиленно тереть руки, лицо, непрестанно взывая: «волы, воды... Капитану треба умыться»!...

Китаецъ поочередно смотрѣлъ то на него, то на меня, но лица наши оказались плохими скрижалями, на которыхъ онъ не нашелъ желаннаго отвѣта.

— Пу-тунда ⁴⁾... въ недоумѣніи, разводя руками, изрекъ, наконецъ, китаецъ.

— Черти непонятные!... отъ сердца выругался Кузнецовъ. Какъ съ вами столковаться—ума не приложишь!

Впалъ и я въ уныніе.

— Постойте, ваше б—діе, смекнулъ Кузнецовъ. У меня въ баклагѣ воды трошки осталось... Нисколько не жалѣя, онъ вылилъ ее на грязныя руки и снова сталъ усиленно тереть лицо. Въ результатѣ такихъ стараній предо мною стоялъ не деньщикъ, а какая-то чумичка.

— А-а! лянсуй, лянсуй ⁵⁾... догадался китаецъ и побѣждалъ за водой, а Кузнецовъ обратился ко мнѣ со словами:

— Пропадемъ мы здѣсь, ваше б—діе.

— Типунъ тебѣ на языкъ!

— Какже?!... Ни они по-твоему, ни ты по-ихнему. Какъ тутъ быть-то?

— Авось, споемся какъ-нибудь, отыгрался я на традиціонномъ русскомъ конякѣ отъ прямо поставленнаго мнѣ вопроса.

Вода оказалась тепловатой. Китайцы при мытьѣ не употребляютъ мыла, зато моются теплой водой.

Пока я вытирался полотенцемъ и приводилъ себя и костюмъ въ порядокъ, Кузнецовъ вскрылъ корзину. Изъ нѣдра ея на столѣ появились сыръ, ветчина, колбаса, еще что-то, чѣмъ успѣлъ я закуситься въ «экономкѣ». Каждый свертокъ «ходя» удостоивалъ исключительнаго вниманія и полнаго одобренія, повторяя свое излюбленное «шанго».

Такого пріятнаго собесѣдника нельзя было не угостить. Я налилъ чару зелена вина и подаль ему. Онъ не отказался. Маленькими глотками, смакуя водку, какъ нектаръ, китаецъ не спѣша выпилъ и, очевидно, получилъ большое удовольствіе, потому что не закусилъ даже, а, ставя чарку на столъ, нѣсколько разъ повторилъ: «Люсска ханьшинъ и люсска капитанъ ши-ипка»

⁴⁾ Не понимаю.

⁵⁾ А-а! воды, воды.

шанго!» ⁶⁾). На одно мгновение китаец куда-то исчез и вернулся съ курицей, которую вручил мнѣ изъ рукъ въ руки со словами: «Моя дали... Шипка знакомы!..» ⁷⁾). Отъ предложенныхъ денегъ наотрѣзъ отказался.

Плотно закусивъ, я сталъ аппетитно зѣвать, давая тѣмъ понять китайцу, что аудіенція окончена. Но недипломатичный китаецъ не понялъ откровенныхъ намековъ и не уходилъ. Выручилъ опять таки Кузнецовъ. Взявъ китайца за плечи и, повернувъ лицомъ къ двери, онъ ему скомандывалъ: «Айда, ходя, айда!.. Капитана мало-мало сыпи-сыпи.... Ну и, стало быть, маршъ отсюда!..»

Не успѣлъ китаецъ опомниться, какъ былъ уже въ дверяхъ, откуда еще разъ заявилъ мнѣ: «ши-ипка знакомы!» На что Кузнецовъ довольно непривѣтливо проворчалъ ему: «Будь знакомъ, а ходи дальше».

Проспавъ часа два, я проснулся. За стѣной слышались негромкій разговоръ и сдержанный, но заражающій искренностью, хохотъ. Кто-то, вѣроятно китаецъ, съ трудомъ, раздѣльно старался произнести по-русски: «два-ты-цать коп-эекъ». А солдаты, смѣясь, поощряли такое старанье: «шанго, шибко шанго, ходя!»

Я вышелъ посмотрѣть, какъ устроилась рота, и увидѣлъ китайца, окруженнаго солдатами.

При моемъ появленіи, первый увидѣвшій скомандовалъ: «встать, смирно!» Всѣ встали и взяли подъ козырекъ. За компанію со всѣми поднялся китаецъ и приложилъ два пальца къ бритой головѣ.

Обойдя роту, я увидѣлъ, что устроились люди хорошо; не хватало только чумизной соломы на подстилку. Пошелъ за нею къ китайцу. Засталъ ту же компанію. Были разложены спички и китаецъ считалъ ихъ по-своему: «ига, лянга...» ⁸⁾).

— Что, Сидоренко, взаимообученіемъ занимаетесь? спросилъ я самаго бойкаго солдата.

— Такъ точно, ваше б-діе. Я покажу что-нибудь и назову по-своему, а онъ мнѣ обратно—по-своему балакаетъ. Продувная бестія! Все понимаетъ, а такъ только притворяется.

Условившись съ китайцемъ въ цѣнѣ на солому, я заплатилъ деньги, и «бестія» пошла выдавать ее, а я на минуту задержался среди солдатъ.

⁶⁾ Русская водка и русскій капитанъ очень хороши!

⁷⁾ Я дарю; очень знакомы.

⁸⁾ Одинъ, два и т. д.

Изъ китайской половины вышла женщина, но, увидѣвъ меня, тотчасъ же шмыгнула назадъ.

— Васъ боится, ваше б-діе. А то все время здѣсь находилась, доложилъ стоявшій возлѣ меня солдатъ. Китайская мадама! прибавилъ онъ иронически.

— Какая это мадама, когда у нея, замѣсто ногъ, козьи копытца?

Такой безпощадной критики я не ожидалъ, а все же, уходя къ себѣ, счелъ не лишнимъ предупредить:

— Вы не вздумайте туда ходить. Китайцы этого терпѣть не могутъ, да и незачѣмъ.

— Такъ-точно, ваше б-діе. Зачѣмъ намъ туда? Что мы бабъ, что-ль, не видѣли! Э-ка невидаль, подумаешь... съ гордостью заявили всѣ, какъ одинъ.

У насъ начались ротныя тактическія ученія, а у китайцевъ—пахота. Взаимный интересъ другъ къ другу какъ-будто нѣсколько ослабѣлъ, но это только казалось.

Нерѣдко, закончивъ трудовой день и возвращаясь съ полей, китайцы подолгу простаивали, любуясь издали нашими упражненіями. Когда же мы, окончивъ наши занятія, возвращались домой съ пѣснями, то ротой нельзя было не интересоваться.

Красавецъ собой, статный парень, завзятый балагуръ и весельчакъ, лихой ротный запѣвало и знатокъ этого дѣла, ефрейторъ Петраченко, какъ вихрь, выносился передъ роту и высоченнымъ теновымъ фальцетомъ, съ особымъ стараньемъ и тщательностью, запѣвалъ: «Какъ у нашей роты командиръ веселый...» Лихо вскрикнувъ на послѣднемъ слогѣ и коротко оборвавъ, онъ умолкалъ, сдѣлавъ свое дѣло... Подобно искрѣ, брошенной въ порохъ, дѣйствовалъ этотъ выкрикъ на роту. Наэлектризованная запѣвалою, понявъ, что не для однихъ «ходей» старается такъ Петраченко, рота только и ждала этого момента, чтобы дружно, стройно и красиво подхватить: «Чернявая моя, чернобровая моя...».

Изъ фанзъ, какъ тараканы изъ щелей, высыпали тогда «китайскія мадамы» и спѣшили къ глинобитнымъ стѣнамъ. Изъ-за стѣнъ виднѣлись лишь ихъ причудливыя, хитро задуманныя и затѣйливо сдѣланныя, прически. Самихъ ихъ мы не видѣли, да онѣ то видѣли, какіе мы молодцы...

Развѣ для этого не стоило постараться!

Какъ-то разъ занимался я съ ротою. Время близилось къ полудню. Надо было кончать занятія. Я собралъ роту и далъ людямъ

«оправиться». Въ это время показалась китайская арба. Въ корню запряжена была манчжурка, вмѣсто пристяжныхъ, слѣва «з-усердіемъ» работала корова, а справа «на отличку» старался мулъ; на отлетѣ и чуть позади изо всѣхъ силъ трудился осликъ.

Главенствовалъ и верховодилъ всѣми старикъ-китаецъ. Безъ возжей, съ помощью длиннаго бича и различныхъ окриковъ: о-о!... и-и!... е-е!... онъ управлялъ ими на славу. Всѣ трудились въ потѣ лица и везли не за страхъ, а за совѣсть. Невиданный нами выѣздъ быстро приближался. Солдаты воззрились всѣ до единаго.

— Смотри, братцы, смотри... Кто тамъ сбоку пристроился?

— Гдѣ?

— Да, вонъ... сзади, замыкающимъ-то, ногами, какъ виноходъ, сѣменить; длинными ушами, какъ заяцъ, прыдетъ; съ бородкой-то... Аль вы не видите?

— О-о!... чтобъ тебѣ... Извѣстно кто — осель.

— Осе-ель!... какъ бы удивясь, протянулъ сигналистъ Сергачевъ. А я думалъ... нашъ барабанщикъ!

Злая это была шутка; но сравненіе удалось до поразительности, и солдаты покатались съ-смѣху. Барабанщикъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и сдѣлалъ видъ, что занять своимъ инструментомъ.

Между нимъ и сигналистомъ Сергачевымъ, по выраженію солдатъ, шли постоянныя «кондры»; они вѣчно пикировались. Сейчасъ выпадъ былъ сдѣланъ Сергачевымъ.

Прѣзжавшая арба доверху нагружена была жмыхами.

Песчаная дорога поднималась въ гору. Китаецъ остановился, чтобъ дать вздохнуть животнымъ. Только онъ остановился, какъ взревѣлъ благимъ матомъ осель. Не дай Богъ никому наслаждаться подобной музыкой... Откинувъ хвостъ, задравъ кверху голову, захлебываясь отъ наслажденія или недостатка воздуха, осель вопилъ, подобно іерихонской трубѣ.

Солдаты внимали ослу съ надеждою, что тотъ скоро кончитъ, но осель ушелъ на верхнія ноты и выдѣлывалъ тамъ такія трели, какихъ никто никогда не слыхивалъ.

Вдругъ барабанщикъ Зильберштейнъ, какимъ-то непостижимымъ образомъ уловивъ мотивъ, передразнилъ горниста:

„Въ колонну соберись бѣгомъ,
Трезвону зададимъ штыкомъ,
Скорѣй, скорѣй, скорѣй!“

Концертъ закончился одновременно.

Снова раздался гомерическій хохоть; пришла очередь краснѣть сигналисту.

— Хо-хо-хо!!! покатывались солдаты.

— Ну, и Соломонычъ! Ну, и Зильберштейнъ! Ай-да барабанщикъ! Не въ бровь, а прямо въ глазъ угодили Сергачеву...

Сигналистъ надулся, какъ мышь на крупу; сжалъ кулаки: «Погоди ты, природо отродье! Домой придешь, я те въ лучшемъ видѣ бока наломаю».

Шутки зашли слишкомъ далеко, и я счелъ за лучшее прекратить ихъ. Оба они умолкли, но шутливое настроеніе заразило всѣхъ.

— А что, Хоменко, обратился взводный къ хохлу—ярому ненавистнику всей Небесной имперіи, ея сыновъ, ея культуры и присныхъ имъ; если бъ ты въ своей хохландіи полкатилъ на такой четверкъ, небось земляки-то ахнули бы и рты поразинули?

— А, пожалуй, и взглянуть не пожелали. Любоваться-то нечѣмъ... проворчалъ Хоменко и нарочно отвернулся въ сторону.

— Его-бъ тамъ приняли за шибко большого капитана и угостили такъ, что былъ бы нашъ Хоменко и сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакъ, подзадорили Хоменку.

— Мои земляки не такіе, какъ вы, дураки. Малость поуменьтъ будутъ.

— Что-жъ, за губернатора бы сочли? Пожалуй, ты правъ. Этакъ-то у васъ и онъ даже не ѣздитъ.

Да-а!... снова началъ взводный. Тутъ, братъ, запряжено всякой твари по парѣ. Чистый Ноевъ ковчегъ. Собакъ только недостаетъ.

— То-то и бѣда, собакъ-то они всѣхъ полопали, злорадно подхватилъ Хоменко. Занедужилась тутъ у нихъ одна. Старая была, престарая; еле ноги волочила и, наконецъ, того, слохла. Что жъ они, братцы мои, придумали? Распластали ее на куски, да въ котель. Сварили и всю дочиста слопали—десятка косточекъ не осталось!

— Тьфу, ты пропасть! брезгливо отплеывались солдаты. И не рдзарвало ихъ?

— Нѣтъ. Ничего не попритчилось. Только глаже стали, да морды, какъ отъ лаку, залоснились.

— Что за небылицы въ лицахъ ты распускаешь? обратился я къ Хоменкѣ, невольно заинтересовавшись его рассказомъ.

— Про китаевъ, ваше б—діе. Они хуже нашихъ татарчуковъ.

Тѣ конину ѣдятъ, а эти того чище: дохлыхъ собакъ потребляютъ. Пождите, ваше б—діе! Дайте срокъ. Они еще не такъ себя обозначать, мрачно закончилъ Хоменко. . . . .

Этого-то какъ разъ и не случилось. Черезъ день мы получили приказъ: «N—скому полку немедленно выступить и спѣшить на югъ».

Разстались мы друзьями, напутствуемые фразой: «шипка знакомы»!

В. Скороковъ.

